

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

Научная статья

УДК 343.241

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.518-529

ДОМИНИРУЮЩИЕ ПАРАДИГМЫ НАКАЗАНИЯ И ИНЫХ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР УГОЛОВНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ИХ РАЗВИТИЯ

Константин Антонович Сыч¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия,

¹ vladimir_1@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера, которая рассматривается через призму метода доминирующей парадигмы. Особое внимание уделено современным парадигмам уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера. При этом автор отмечает, что российская система наказания и иных мер уголовно-правового характера подошла к такому периоду своего развития, который можно именовать периодом смены парадигмы.

Ключевые слова: уголовное наказание, иные меры уголовно-правового характера, меры безопасности, опасное состояние личности, превентивное воздействие

Для цитирования

Сыч К. А. Доминирующие парадигмы наказания и иных принудительных мер уголовного права в контексте их развития // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 4. С. 518–529. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.518-529.

SCIENCE FORUM

Original article

DOMINANT PARADIGMS OF PUNISHMENT AND OTHER COERCIVE MEASURES OF CRIMINAL LAW IN THE CONTEXT OF THEIR DEVELOPMENT

Konstantin Antonovich Sych¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

¹vladimir_1@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the development of criminal punishment and other measures of a criminal-legal nature, which is considered through the prism of the method of the dominant paradigm. Special attention is paid to modern paradigms of criminal punishment and other measures of a criminal-legal nature. At the same time, the author notes that the Russian system of punishment and other measures of a criminal-legal nature has come to a period of its development, which can be called the period of paradigm shift.

Keywords: criminal punishment, other measures of a criminal-legal nature, security measures, dangerous state of the individual, preventive impact

For citation

Sych, K. A. 2023, 'Dominant paradigms of punishment and other coercive measures of criminal law in the context of their development', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 4, pp. 518–529, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.518-529.

Развитие уголовного наказания, как известно, имеет богатую историю, которая неразрывно связана с духовно-нравственным состоянием общества, а также с парадигмами, определяющими законодательные концепции мер уголовно-правового реагирования на преступления или общественно опасные деяния. Вот почему исследование доминирующих парадигм наказания или иных принудительных мер уголовного закона является наиболее важным в современный период развития уголовного права. Нетрудно предположить, что парадигму, определяющую содержание, сущность и формы государственного реагирования на преступления или иные общественно опасные деяния, с полным основанием можно назвать доминирующей парадигмой той или иной эпохи. А метод исследования рассматриваемых явлений с ее использованием – методом доминирующей парадигмы.

Отмеченный метод довольно интенсивно используется, например, в философии для классификации научных познаний, где под парадигмой понимаются «...признаваемые научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному обществу модель постановки проблем или их решения» [1, с. 11]. Следовательно, парадигму можно представить как мировоззрение, религиозные, социальные нормы

либо научные концепции, лежащие в основании глобальной модели либо конструкции правовых явлений, значит, метод доминирующей парадигмы в науке уголовного права может быть использован для исследования исторических периодов развития наказания и других принудительных мер. В юридической литературе русского уголовного права, посвященной истории развития наказания, представлены следующие его этапы: а) частной (кровной) мести; б) материальных выкупов или композиций; в) публичных казней или устрашения; г) психического принуждения и исправления личности преступника [2, с. 15; 3, с. 4]. Такого рода классификация эпох развития наказания, несомненно, имеет право на существование. В зарубежной литературе начала XX в. представлена классификация, согласно которой этапы (фазы) развития института наказания имеют некоторые различия. Например, Э. Ферри предложил четыре фазы развития наказания: а) элементарная фаза (фаза оборонительной и мстительной реакции); б) фаза религиозного влияния или божественного воздаяния; в) фаза этического или средневекового искупления; г) фаза юридического исправления (основанная на принципах классической школы уголовного права); д) социальная фаза (характеризуется отказом от наказания, основанного на соразмерном воздаянии за нравственную вину, заменяя его мерами социальной защиты) [4, с. 363–364]. Э. Ферри включает в квалификационный ряд социальную фазу – это период, когда законодательные концепции наказания ряда европейских государств, основанных на принципах классической школы уголовного права, были заменены мерами социальной защиты. Классификации этапов (фаз) развития наказания имеют различные периоды, которые отчетливо характеризуют доминирующую парадигму эпохи.

Представляется, что отмеченные периоды в развитии уголовного наказания достаточно полно охватывают его историю, однако выводы, сделанные по результатам их исследования, нуждаются в уточнении в современный период. Ярким свидетельством тому может служить эпоха частной мести, или мстительной реакции. Известно, что в догосударственно-правовой период организации общественной жизни людей, когда нет органов публичной власти, нет органов, специально наделенных полномочиями по охране жизни, здоровья, имущества и других общественных или частных благ от вредоносного посягательства, защита названных благ может и должна осуществляться посредством частных методов воздействия. Из этого многими исследователями делается вывод, согласно которому частная месть является неограниченной реакцией потерпевшего или его родственников на причиненную обиду, неким произволом при защите социальных ценностей. С таким тезисом трудно согласиться, поскольку он не учитывает общественных интересов при организации публичной жизни людей. Частный интерес является составным интересом общины.

Из истории развития государства и права известно, что обычай частной (кровной) мести является публичной санкцией обычного права, которая делегирует полномочия по реализации кровной мести частным лицам в ситуации определенного типа. Частная месть является таковой лишь по форме ее исполнения, а ее сущность кроется в организации общинной жизни людей. Отсюда закономерен вопрос: в какой мере можно отождествлять частную (кровную) месть, рассматриваемую как категорию права, с наказанием? В юридической литературе на сей счет, нет однозначного ответа. И. Я. Фойницкий, профессор русского уголовного права, утверждал, что до появления государства и права наказание отсутствует, его заменяет частная месть [5, с. 9]. Уместно будет возразить известному профессору в том смысле, что если отсутствует наказание, то

частную месть следует признать частным произволом потерпевшего или его родственников. Это ставит под сомнение позитивное историческое значение данного древнего памятника права, выраженное в форме обычая, через который прошли многие народы мира. Наверное, прав в этом смысле Н. С. Таганцев, который, напротив, полагал, что с первыми зачатками организованного общежития появляется и наказание [6, с. 11].

Такое понимание частной (кровной) мести авторами, изучающими эту проблему, связано с разными методологическими подходами определения наказания и обычая частной мести. Обычай, как отмечал М. Дьяконов еще в 1912 г., есть юридическая норма, которая соблюдается в данной социальной среде всеми или определенным кругом в силу убеждения действующих лиц подчиняться этим нормам [7, с. 8]. Следует отметить, что в современной литературе, посвященной рассматриваемой проблеме, отмечалось, что обычай частной мести по своей социальной природе является публичной обязанностью, неисполнение которой влекло за собой неблагоприятные последствия для лица, уклонившегося от нее [8, с. 31]. Существенное отличие обычая частной (кровной) мести от наказания как категории права состоит в субъекте права устанавливать, назначать и исполнять этот институт возмездной реакции на вредоносное посягательство злоумышленника (преступника): наказание, естественно, связано с государством, а частная месть – с публичной властью общины [9, с. 28]. Не вдаваясь в дискуссию по этому поводу, отметим лишь то, что в догосударственно-правовой период частная (кровная) месть являлась частным способом защиты интересов потерпевшего от вредоносного посягательства. В таком обществе, в котором нет ни судей, ни законов, наказание всегда сохраняет форму мести [10, с. 151]. В связи этим обычай кровной (частной) мести по своей социальной природе является обязанностью потерпевшего или его родственников, неисполнение которой влекло за собой неблагоприятные последствия для них. Тезис, согласно которому частная месть является неограниченным произволом потерпевшего или его родственников, не соответствует действительности. При этом следует отметить, что кровная месть в России была не только санкцией обычного права, но и категорией позитивного права, поскольку была включена в содержание Русской Правды в первых ее редакциях.

В советском фундаментальном собрании российского законодательства X–XX вв., изданном в 70-х годах прошлого века, утверждается, что смертная казнь не известна Русской Правде. Это утверждение нуждается в существенном уточнении в силу того, что данный памятник русского права периода правления Ярослава предусматривал, наряду с кровной мстью, материальный выкуп, который давал возможность виновному освободиться от этих негативных последствий, путем заглаживания вреда потерпевшей стороне. В литературе утверждалось, что материальный выкуп не может признаваться наказанием, а является мерой гражданского законодательства, поскольку был связан с возмещением вреда потерпевшему. Так, О. Оппенгеймер отмечал, что ответственность перед потерпевшим позднее заменилась наказанием, но не превратилась в него [11, с. 79]. Этот тезис, видимо, следует понимать таким образом, что в рассматриваемый период истории развития наказания не существовало четкого разделения русского права на отрасли, а потому всякая мера, связанная с разрешением кровного конфликта, вполне может быть признана уголовно-правовой. Кроме того, Русская Правда предусматривала материальный выкуп за совершенное убийство в двух значениях: как штраф в пользу князя (вира) и как платеж в пользу родственников убитого в случае отказа от мести (головничество) [12, с. 79]. Материальный выкуп, по утверждению

М. Ф. Владимирского-Буданова, представляет собой слияние частного и общественно-го элемента в этом наказании: элемент уголовного значения – вира и головничество – частное вознаграждение потерпевшему [13, с. 328]. Этот исторический пример может и должен иметь значение при определении новой уголовно-правовой политики в сфере конструирования законодательных мер правового реагирования на преступления.

Важнейшим историческим периодом развития института наказания является период господства идей классической школы уголовного права (гуманизма, законности, виновности и др.), породивший парадигму юридического исправления и предупреждения преступлений. В русском уголовном праве эти идеи отчетливо получили законодательное закрепление в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Отмеченный Закон проводит классификацию видов наказаний, делит их на уголовные (ст. 17 Уложения), исправительные (ст. 30 Уложения) и наказания, назначаемые за преступления по службе (ст. 65 Уложения) [14, с. 5]. Так, Закон закреплял исчерпывающий перечень уголовных наказаний (ст. 17): 1) лишение всех прав состояния и смертная казнь; 2) лишение всех прав состояния и каторжные работы; 3) лишение всех прав состояния и ссылка на поселение в Сибирь; 4) лишение всех прав состояния и ссылка на поселение на Кавказ. При этом законодатель определял качественные и количественные признаки наказаний. Например, каторжные работы делились на семь степеней. В зависимости от тяжести совершенного преступления могли назначаться либо работы в рудниках без срока или на срок от 12 до 15 лет, либо работы в крепостях от 4 до 12 лет. Лишение всех прав состояния всегда сопровождалось последствиями в зависимости от социального положения осужденного: например, для дворян – потеря дворянства потомственного или личного и всех преимуществ, связанных с этим положением, а для других категорий – потеря доброго имени и личных гражданских и политических прав [14, с. 5]. Особенностью Уложения 1845 г. является то, что в тексте этого Закона прямо указывалось на недопустимость распространения негативных правовых последствий на близких родственников (ст. 24).

Исправительные виды наказания в рассматриваемом Законе (ст. 30 Уложения) преимущественно сводились к потере всех особых прав осужденных и ссылке в более или менее отдаленные места для проживания, временному заключению в крепость, заключению в смиренный дом или тюрьму от нескольких месяцев до нескольких лет, денежным взысканиям. Выделение исправительных наказаний в самостоятельную группу свидетельствует о дифференцированном подходе законодателя к конструированию санкций, предусматривающих уголовную ответственность, в зависимости от категории преступления. Можно сказать, что впервые в истории русского уголовного законодательства наказания представлены в форме правовой дифференциации, проведенной по признаку тяжести совершенного преступления. Более того, названный Закон, конструируя виды наказания, учитывал естественные блага осужденного, связанные с его человеческим достоинством.

Традиция, основанная на доминирующей парадигме юридического исправления и предупреждения преступлений, отчетливо прослеживается в Уголовном уложении 1903 г. В этом нормативно-правовом акте более обстоятельно закрепляется уголовный проступок наряду, безусловно, с институтом преступления. Применительно к рассматриваемой проблеме это обстоятельство сыграло важнейшую роль в процессе конструирования уголовно-правовых санкций. Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ), к сожалению, не имеет такого института, как проступок. Однако наличие уголовного про-

ступка в законодательстве ряда государств, например в Уголовном кодексе Франции, позволяет суду не назначать наказания в виде лишения свободы за преступления, именуемые в российской классификации преступлениями небольшой и средней тяжести.

Парадигма юридического исправления и предупреждения, которая имеет доминирующее значение и в настоящее время в российской законодательной практике, сводится к устрашающему воздействию на осужденного, пусть даже посредством и менее строгих видов наказания. Как свидетельствует опыт, накопленный в процессе исполнения наказаний, юридически исправить осужденного, полагаясь только на средства принудительно-карательного воздействия, можно лишь в значении устрашения, когда страх потерять свободу или иное социальное благо является более сильной мотивацией, по сравнению с криминальной мотивацией. Необходимо отметить, что в русле именно этой парадигмы родилась идея деления уголовных правонарушений на преступления и проступки. Например, деяния, за которые Уложение 1845 г. предусматривало наказания в виде заключения в исправительный дом, крепость или тюрьму, именуются преступлениями, а деяния, за которые определены наказания в виде ареста, денежной пени, именуются проступками [15, с. 275]. В современном российском уголовном праве проблема уголовного проступка как разновидности правонарушения только обсуждается, хотя следует признать, что она в определенной мере была решена в русском дореволюционном уголовном законодательстве. Представляется, что введение в действующий УК РФ института уголовного проступка, основанного на принципах применения наказаний, не связанных с лишением свободы за его совершение, имело бы, как свидетельствует зарубежный опыт, положительное значение для правоприменительной практики.

Определенный научный интерес представляет парадигма мер социальной защиты, получившая свое воплощение в уголовном законодательстве ряда европейских государств в середине сороковых годов XX в. Данная парадигма, как известно, стала результатом длительной научной дискуссии, которая велась между сторонниками классической и социологической школ уголовного права. Так, представители социологического направления в уголовно-правовой науке склонялись к идее о неэффективности применения мер наказания, основанных на принципах классической школы уголовного права, предлагая взамен концепцию мер социальной защиты. По мнению сторонников социологической школы уголовного права, наказание неспособно преодолеть преступность как социальное явление. Именно этот тезис сыграл основную роль в признании мер социальной защиты более предпочтительными мерами противостояния преступности.

Влияние идей о социальной защите на законодательную власть, как известно, было настолько велико, что ряд европейских государств включили в действующее уголовное законодательство меры социальной защиты (меры безопасности) в качестве альтернативы наказанию либо наряду с ним: УК Испании 1928 г.; УК Италии 1930 г.; УК Польши 1932 г.; УК Швейцарии 1937 г. [16, с. 91].

Тенденция, связанная с включения мер социальной защиты в уголовное законодательство, была характерна для советского уголовного права. Так, после принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в 1924 г. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. включил меры социальной защиты наряду с мерами наказания. Например, УК РСФСР 1926 г. закрепил в качестве мер уголовно-правового реагирования на преступление меры социальной защиты. Особенностью этих мер являлось то, что они применялись по принципу объективного вменения. На протяжении нескольких десятилетий советское уголовное законодательство находилось под влиянием концеп-

ции мер социальной защиты, лишь с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. оно вернулось в лоно классической школы уголовного права.

Основным тезисом концепции мер социальной защиты, как известно, является идея опасного состояния личности, которая заключается в том, что таким состоянием личности подменяется вина как основание субъективного вменения, а потому применение мер социальной защиты возможно даже при отсутствии совершенного преступления лица. Современное уголовное законодательство зарубежных государств, которое использует концепцию мер социальной защиты наряду с мерами наказания, образует таким образом двухколейную систему уголовно-правового воздействия. Принципиальное различие между мерами социальной защиты и наказанием заключается в том, что назначение этих мер определяется не виновностью лица или тяжестью совершенного им преступления, а степенью опасного состояния человека, его психическим состоянием, которое угрожает обществу. А. Е. Жалинский, проводя черту между наказанием и мерами безопасности в немецком уголовном праве, отмечал, что если наказание является правовым последствием совершенного виновного, наказуемого деяния, то меры безопасности связаны не с виной, а только с социальной опасностью субъекта деяния и могут назначаться при отсутствии вины [17, с. 292].

Принципиальное отличие наказания от мер безопасности – в следующем: а) если наказание носит репрессивный характер и лишь опосредовано превентивный, то меры безопасности – преимущественно превентивный характер; б) применение наказания связано с вменяемостью субъекта, меры безопасности могут применяться и в отношении невменяемых; в) цель применения мер безопасности связана с обеспечением социальной безопасности в конкретных случаях; г) основаниями применения мер безопасности могут являться не только совершение общественно опасного деяния, но и опасное состояние человека, которое создает угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом объектам.

В современном зарубежном уголовном законодательстве отчетливо прослеживается парадигма, которая органически объединяет институт наказания и иные принудительные меры уголовного права (меры безопасности), создавая, таким образом, систему двухколейного воздействия на совершение преступлений, вытекающих из так называемого опасного состояния человека. Иные меры уголовно-правового характера как институт УК РФ отличаются от мер безопасности зарубежного уголовного права прежде всего тем, что они сконструированы не по системному принципу превентивного воздействия на ситуацию, связанную с опасным состоянием личности (человека). Например, трудно определить критерий отнесения к разд. 6 УК РФ: принудительные меры медицинского характера (гл. 15 УК РФ); конфискацию имущества (гл. 15.1 УК РФ); судебный штраф (гл. 15.2 УК РФ). В зарубежном уголовном праве меры безопасности носят превентивный характер, направленный на устранение опасности охраняемым уголовным законом объектам. Так, ст. 96 УК Испании делит меры безопасности на две группы: 1) связанные с изоляцией от общества; 2) не связанные с изоляцией от общества (запрет на нахождение и проживание в определенной местности, лишение права на управление транспортным средством, лишение лицензии на оружие, профессиональная дисквалификация и пр.). Представляет интерес ст. 42 УК Швейцарии, которая закрепляет право суда применять интернирование, если у суда сложится убеждение, что осужденный, совершивший проступок, склонен к совершению преступлений. Как полагает А. Г. Ки-

бальник, такая мера является превентивной для лиц, склонных к совершению преступлений или проступков [18, с. 46]. Эта же парадигма прослеживается в УК ФРГ, который предусматривает более сложную меру, известную как превентивное заключение, которое назначается в случае осуждения лица за умышленное преступление к лишению свободы на срок не менее двух лет. Превентивное заключение применяется в отношении опасных рецидивистов с тяжкими личностными нарушениями, опасных сексуальных преступников, лиц с ограниченной вменяемостью и других категорий. Базовый принцип применения данной меры – принцип соответствия, закрепленный в § 62 УК ФРГ. Он заключается в соответствии применяемой судом меры ожидаемому деянию, а также зависит от степени опасности, которая исходит от этого лица. Следует признать, что учение об опасном состоянии личности социологической школы уголовного права не получило признания в России. Наверное, именно с этим обстоятельством связано нынешнее положение действующего УК РФ в сфере конструирования так называемых иных мер уголовно-правового характера.

В отличие от УК РФ, уголовное законодательство ряда государств бывшей восточной Европы, например УК Беларуси и УК Молдовы, предусматривают меры безопасности. Так, УК Беларуси закрепляет два вида мер безопасности: специальные меры уголовной ответственности (ст. 80–81); принудительные меры безопасности и лечения (ст. 100–107).

Специфическую систему мер безопасности содержит гл. 10 «Меры безопасности» УК Молдовы, где закрепляется, что цель мер безопасности состоит в устранении опасности и предупреждении деяний, предусмотренных уголовным законом. К числу мер безопасности названный Закон относит: 1) принудительные меры медицинского характера (ст. 99–103); 2) принудительные меры воспитательного характера (ст. 104); 3) изгнание (ст. 105); специальную конфискацию (ст. 106).

Следует признать, что иные меры уголовно-правового характера в действующем УК РФ основаны на совершенно иных принципах, мало отличающихся от наказания. Они могли и должны быть сконструированы по критерию социальной опасности человека, в основе которого лежит учение социологической школы уголовного права об опасном состоянии личности. Другое дело, что концепция опасного состояния личности не должна применяться при характеристике наказания, когда вместо признака виновности используется признак «опасное состояние личности». При этом концепция социологической школы уголовного права нуждается в современных условиях в более глубоком научном исследовании, поскольку она затрагивает фундаментальные конституционные права и свободы личности.

К числу доминирующих парадигм современного уголовного права с полным основанием можно отнести парадигму испытания или пробации, которая определяет специальные меры, позволяющие как можно реже прибегать к наказаниям, связанным с лишением свободы.

Рассматриваемые меры имеют ряд принципиальных признаков, отличающих их от наказания. Термин «пробация» имеет латинское происхождение, что буквально означает «испытание, проверка качеств, способностей». Впервые пробация появилась в уголовном законодательстве США и Великобритании как институт наказания в середине прошлого века. Современное уголовное законодательство ряда зарубежных государств (например, Болгарии, Латвии, Литвы, Чехии, Франции, ФРГ, Швеции) признает институт пробации, но не как наказание, а в качестве особой системы мер, позволяющей реально не применять уголовные наказания, связанные с лишением свободы осужденного.

Чаще всего такая система мер закрепляется в уголовном законодательстве как условное осуждение, отсрочка исполнения (отбывания) наказания, общественные работы. Так, УК ФРГ (гл. 4–5 разд. 3 Общей части) закрепляет такие виды условного осуждения, как аналог института probation: приостановка наказания с испытанием; условно-досрочное освобождение; предупреждение относительно применения наказания. А. Э. Жалинский, характеризуя современное уголовное законодательство Германии, отмечает, что «probation в законодательстве определена как особая правовая конструкция исполнения лишения свободы, как самостоятельная мера уголовно-правовой реакции» [19, с. 310]. По всей вероятности, такие меры в УК ФРГ (формы probation) объединяет предоставленная законом возможность как можно реже применять уголовное наказание в виде лишения свободы.

УК Швеции относит институт probation к наказанию наряду со штрафом, тюремным заключением, условным наказанием и специальным попечительством (ст. 3 гл. 1). Probation (гл. 28 УК Швеции) применяется за преступления, за которые санкция в виде штрафа является недостаточной и может быть дополнена штраф-днями (не более 200) либо бесплатными общественными работами (от 40 до 240 час.). Probation по УК Швеции может назначаться по совокупности с тюремным заключением на срок от 14 дней до 3 месяцев. Важным обстоятельством является то, что несовершеннолетние не могут быть осуждены к режиму probation. Закон об охране детства не признает эту санкцию достаточно гуманной. Видимо, законодатель исходит из предположения о том, что наказания в отношении несовершеннолетних должны быть хотя и гуманными, но все же реальными.

Приведенные примеры института probation ряда европейских государств, свидетельствуют о том, что его юридическая природа может быть разной. Но одно остается неизменным – это законодательная база мер, позволяющая суду как можно реже применять наказание в виде лишения свободы. В документах ООН probation определяется как условная отсрочка исполнения наказания с установлением на это время за преступником индивидуального надзора или проведения исправительного курса [20, с. 171]. Следовательно, базовыми признаками probation являются отсрочка применения наказания, а также осуществление административного контроля за поведением осужденного, с предоставлением ему правовой возможности доказать свое исправление без реального отбывания наказания.

В действующем уголовном законодательстве России этому определению probation соответствуют в полном объеме: а) условное осуждение (ст. 72 УК РФ); б) отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ); в) отсрочка больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ). Принятие Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» имеет положительное значение для судебной практики. Однако в названном Законе институт probation представлен в значении только мер исправительного воздействия или помощи. В ст. 5 этого Закона дается определение probation: «Это совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе социальная ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц». Несомненно, что помощь лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, имеет позитивное значение для их исправления. Однако следует признать и то, что та-

кая помощь – это лишь часть комплекса мер, которые должен включать в себя институт пробации. Остаются без уголовно-правового регулирования вопросы, связанные с осуществлением контроля за поведением указанных лиц. Кроме того, не совсем понятен замысел законодателя, который ограничивает действия института пробации лишь в отношении отдельных категорий освобожденных от наказания, а также проходящих социальную реабилитацию, социальную адаптацию и другие виды ресоциализации. Названные меры могут и должны распространяться и на условно осужденных (ст. 73 УК РФ), лиц, в отношении которых применена отсрочка отбывания наказания в порядке ст. 82 УК РФ или отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ), условно досрочно освобожденных (ст. 79 УК РФ), освобожденных от наказания по другим основаниям, например в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ). Системными проблемами пробации, закрепленной в рассматриваемом Федеральном законе, являются вопросы правового статуса, властных полномочий, учреждений и органов, которые должны будут реализовывать меры, входящие в этот институт. Не вдаваясь в широкую научную дискуссию по поводу правовой природы института пробации, отметим лишь то, что он нуждается в более фундаментальном исследовании, с учетом современных требований. Однако факт законодательного закрепления пробации – явление положительное, которое, несомненно, получит свое развитие.

Исследование доминирующих парадигм, лежащих в основе мер уголовного наказания или иных принудительных мер уголовного закона, проведенное в русле их развития, позволяет сделать следующие выводы:

1) в зарубежном уголовном законодательстве (преимущественно европейских государств – УК ФРГ, УК Италии, УК Испании, УК Швейцарии и пр.) доминирующей парадигмой является парадигма двухколейного воздействия, которая, наряду с уголовным наказанием, основанным на принципах классической школы, предполагает и меры безопасности или предупреждения, имеющие в своем основании концепцию опасного состояния личности социологической школы уголовного права, естественно, в ее современной редакции;

2) в российском уголовном законодательстве, напротив, доминирующей парадигмой системы уголовных наказаний, а также иных мер уголовно-правового характера, является парадигма исправления личности преступника посредством применения к нему принудительных мер уголовной юстиции. При этом иные меры уголовно-правового характера по своей юридической природе мало чем отличаются от мер уголовного наказания, а в ряде случаев они имеют сходство даже по наименованию (например, штраф как вид наказания и судебный штраф как иная мера);

3) парадигма исправления личности преступника в значительной мере охватывает своим влиянием и институт пробации, который еще не стал действующим;

4) развитие уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера, по-видимому, подошло к периоду смены доминирующей парадигмы.

Список источников

1. Кун Т. Структура научных революций. М. : Прогресс, 1977. 240 с.
2. Колоколов П. Е. Уголовное право. Общая часть : лекции. М., 1900, 220 с.
3. Познышев С. В. Учение о карательных мерах и мере наказания. М., 1908, 280 с.
4. Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005. 390 с.
5. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1887. 280 с.

6. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. СПб., 1902, 520 с.
7. Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912. 180 с.
8. Магомедов А. А. Уголовная ответственность и освобождение от нее: эволюция правовых воззрений и современность : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 57 с.
9. Гальперин С. Д. Очерки первобытного права. СПб., 1893. 340 с.
10. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. 380 с.
11. Оппенгеймер О. Историческое исследование о происхождении наказания // Новые идеи в правоведении. Эволюция преступлений и наказаний. СПб., 1914. С. 77–82.
12. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1984. Т.1 : Законодательство Древней Руси. 340 с.
13. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1915. 360 с.
14. Свод законов уголовных. Книга первая. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1866. 340 с.
15. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1986. Т. 9. 440 с.
16. Ансель М. Новая социальная защита. М., 1970. 265 с.
17. Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004. 360 с.
18. Кибальник А. Г. Основные положения общей части уголовного права зарубежных стран. М. : Илекса, 2008. 220 с.
19. Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004. 410 с.
20. Крылов Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран (Англия, США, Франция, Германия). М., 1997. 320 с.

References

1. Kun, T. 1977, *Structure of scientific revolutions*, Progress, Moscow.
2. Kolokolov, P. E. 1900, *Criminal law. General part: lectures*, Moscow.
3. Poznyshhev, S. V. 1908, *The doctrine of punitive measures and the measure of punishment*, Moscow.
4. Ferri, Je. 2005, *Criminal sociology*, Moscow.
5. Fojnickij, I. Ja. 1887, *The doctrine of punishment in connection with prison studies*, St. Petersburg.
6. Tagancev, N. S. 1902, *Russian criminal law. The general part*, St. Petersburg.
7. D'jakonov, M. 1912, *Essays on the social and state system of Ancient Russia*, St. Petersburg.
8. Magomedov, A. A. 1998, *Criminal liability and exemption from it: the evolution of legal views and modernity: PhD thesis (Law)*, Moscow.
9. Gal'perin, S. D. 1893, *Essays on primitive law*, St. Petersburg.
10. Gegel', G. V. F. 1990, *Philosophy of Law*, Moscow.
11. Oppengejmer, O. 1914, 'Historical research on the origin of punishment', in *New ideas in law. The evolution of crimes and punishments*, pp. 77–82, St. Petersburg
12. *Russian legislation of the X–XX centuries* 1984, in 9 vols, vol. 1, *Legislation of Ancient Russia*, Moscow.
13. Vladimirskij-Budanov, M. F. 1915, *Overview of the history of Russian law*, Kiev.
14. *The code of criminal Laws. The first book. The Code of Criminal and Correctional Punishments* 1866, St. Petersburg.
15. *Russian legislation of the X–XX centuries* 1984, in 9 vols, vol.9, Moscow.
16. Ansel', M. 1970, *New social protection*, Moscow.

17. Zhalinskij, A. Je. 2004, *Modern German criminal law*, Moscow.
18. Kibal'nik, A. G. 2008, *The main provisions of the general part of the criminal law of foreign countries*, Ilex, Moscow.
19. Zhalinskij, A. Je. 2004, *Modern German criminal law*, Moscow.
20. Krylov, N. E. & Serebrennikova, A. V. 1997, *Criminal law of foreign countries (England, USA, France, Germany)*, Moscow.

Информация об авторе

К. А. Сыч – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права.

Information about the author

K. A. Sych – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 11.04.2023; одобрена после рецензирования 31.05.2023; принята к публикации 26.09.2023.

The article was submitted 11.04.2023; approved after reviewing 31.05.2023; accepted for publication 26.09.2023.